

лет с предметно-классно-урочной школой, а Виталию Кузьмичу Дьяченко предстояло ещё родиться в 1923 году, встретиться с Ривиным, победить в Великой Отечественной войне, создать науку дидактику и приехать в Красноярск.

Литература

1. Дьяченко В.К. Реформирование школы и образовательные технологии: в 2 ч. Ч 1. Новокузнецк, 1999. 167 с.
2. Дьяченко В.К.. Коллективный способ обучения и его исторические и педагогические корни // Коллективный способ обучения. №7. 2003.
3. Коменский Я.А. Избранные педагогические сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982. 656 с.
4. Коменский Я.А. Избранные педагогические сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1982. 576 с.
5. Мкртчян М.А. Девятижды герой Советского Союза // Коллективный способ обучения. 2008. № 10.

Бондаренко Людмила Васильевна

Встреча с новым, которому предстоит стать будущим, или Знакомство с Будущим

Посвящается Виталию Кузьмичу Дьяченко

Кафедра педагогики и психологии Красноярского государственного университета (ныне СФУ) находилась в недавно отстроенном новом корпусе на проспекте Свободном. В восьмидесятые годы это была узкая улица между пятиэтажками всего с двумя встречными полосами движения. По иронии судьбы эта улица называлась «проспектом Свободным». Сейчас, в 20-е годы второго тысячелетия, она уже выглядит роскошно и широко.

Новенький четырехэтажный корпус КГУ имел квадратную форму. Планировка его была необычной. Учебные аудитории, кабинеты преподавателей, научные лаборатории находились по периметру квадрата, в центре которого было пустое, объемное, наполненное светом пространство. Четыре яруса этажей, как ложи и балконы в театре. Свет струился сквозь стеклянную крышу, напоминая об уютных итальянских двориках. Удивительно было стоять у перил верхнего этажа и наблюдать движение людей на ярусах и в партере. Как будто с высоты птичьего полета смотришь на суету обычной жизни с виду похожей на броуновское движение, но наполненное смыслами, целями, разумом... Плоское и одномерное мышление отступало. И откуда-то из глубин сознания появлялось переживание многомерности мира...

Было 14 сентября 1983 года.

В кабинет на 4-ом этаже, где размещалась кафедра педагогики и психологии КГУ, вошел крепко сложенный шестидесятилетний мужчина с выразительными, лучистыми глазами, полный сдерживаемого энтузиазма, в темно-синем костюме, с аккуратным, немного старомодным галстуком. Не спеша поздоровался, улыбнулся и представился: Виталий Кузьмич Дьяченко. Неспешность и основательность, как в дальнейшем мы все убедились, были его характерными чертами во всех делах, особенно в теоретических выводах. Он все делал размеренно, с осознанным спокойствием, без суеты. Безупречная четкость мысли позволила ему навести порядок в ускользающих смыслах педагогических терминов и понятий.

Мы, сотрудники кафедры, уже знали, что его пригласил Вениамин Сергеевич Соколов, наш ректор, отличающийся новаторским духом и смелыми устремлениями в совершенствовании учебного процесса. Вениамин Сергеевич, бывая в командировках, всюду искал интересных людей с новыми идеями в образовании, ездил по разным странам, собирал передовой опыт, обобщал, делился этой информацией с нами – преподавателям университета.

Виталий Кузьмич Дьяченко только что приехал из столицы, где он был знаком, тесно общался и полемизировал практиче-

ски со всеми ведущими педагогами-теоретиками. Вот только некоторые имена: А.Н. Алексюк, Ю.К. Бабанский, И.Я. Лернер, М.И. Махмутов, М.Н. Скаткин, П.И. Пидкасистый и др. Красноярск в то время не отличался видимым педагогическим прогрессом. Для В.К. Дьяченко это был в некоторой степени самоотверженный, но, без сомнения, взвешенный шаг большого ученого – уехать в глубинку, за тысячи километров от центра наук и культуры.

У нас на кафедре педагогики и психологии были опытные преподаватели: Н.Н. Круглов, Н.И. Сафонова, Т.Е. Гордиенко, Т.В. Фуряева, Л.В. Бондаренко, Р.П. Вайсберг, А.Ф. Лойко, И.Н. Бронников и др. Первое, что предложил Виталий Кузьмич всем членам кафедры – регулярно два раза в неделю в 14.00, после наших занятий со студентами – собираться на внутренний кафедральный семинар. Так длилось около двух месяцев. По замыслу В.К. Дьяченко, эта группа педагогов должна была первой в университете, да пожалуй, и в Красноярском крае в целом, получить систематическое представление о новой дидактической теории и в дальнейшем реализовать ее на практике. Однако не все шло гладко. Маститые преподаватели без боя свои устоявшиеся академические убеждения не сдавали. Впрочем, Виталия Кузьмича не смущали возражения и категоричная критика. Он им радовался, не без основания полагая, что в процессе активной полемики преподаватели быстрее и глубже разберутся в новой дидактике.

Через полгода, с января 1984 года, помимо кафедральных семинаров, стали проходить и общеуниверситетские встречи, на которых разгорались нешуточные баталии. Особенно горячими и эмоциональными были споры с физиками и математиками, не довольствующимися полу-пониманием в значимых вопросах и старающимися довести до четкости и ясности математического определения любое педагогическое утверждение, выдвигаемое Дьяченко. Например, Виталий Кузьмич, перечисляя четыре основные структуры общения: опосредованное, парное, групповое и коллективное, – отмечал, что, если оставаться в рамках материалистической парадигмы, то других структур общения мы не найдём, их нет. Однако немало пытливых умов жарко спорило и

упорно искало пятую структуру общения и, соответственно, пятую организационную форму обучения. Дискуссии вызывал, например, и такой вопрос: являются ли коллективные занятия новой технологией обучения и могут ли они быть встроены в существующую систему образования, либо они являются проявлением новой становящейся исторической формации – коллективного способа обучения? И по сей день даже те, кто уже много лет ведет коллективные занятия, не едины в ответе на этот вопрос. Всем им, спорящим ради поиска истины, стоит высказать благодарность.

Когда Виталий Кузьмич начал свой цикл семинаров, в которых он знакомил со своим видением развития системы образования в исторической протяженности, то удивительным образом университетские архитектурные впечатления, порождающие переживание многомерности бытия, сливались с теоретическими представлениями исторических формаций и организационных структур процесса обучения. Становление системы образования и ее перспективы виделись как бы с птичьего полета. Архитектурное наглядное пособие в виде итальянского дворика помогало понять, в какой эпохе мы живем, какое место наша сегодняшняя система образования занимает на полях истории. Становилась ощутима наша личная задача и ответственность. Дальше каждый делал выбор.

Прошли недели и месяцы первого знакомства преподавателей с новой дидактикой, пришло время самоопределяться по отношению к новому педагогическому знанию. Если профессорско-преподавательский состав соглашается с обоснованием исторически закономерной смены способов обучения от ИСО к ГСО, а затем к КСО, то всем сообща следует кардинально перестраивать свою профессиональную деятельность.

С 1984 года началась опытная работа на физическом факультете КГУ по освоению коллективной оргформы обучения. Усилилась поляризация в сообществе преподавателей. Виталий Кузьмич твердо стоял на позиции, что данная работа является освоением новой коллективной оргформы обучения (пары сменного состава), является накоплением опыта по применению методик работы в парах сменного состава на разных учебных

дисциплинах. И, с точки зрения Дьяченко, это накопление опыта крайне необходимо для перехода к следующему этапу развития образования. Однако многие преподаватели рассматривали начавшуюся работу на физфаке как экспериментальную проверку, выявляющую истинность или ошибочность дидактической теории. Интерпретация и оценка всех событий и результатов зависела от того, к какой из этих разнополюсных позиций был ближе наблюдатель. Например, когда студенты не успевали за отведенное время выполнить задания, то многие преподаватели делали вывод, что такое обучение неэффективно, теоретические положения дидактики Дьяченко неверны, и, следовательно, надо отказаться от дальнейших экспериментов. Другая группа преподавателей считала, что надо выявить причины замедленного темпа освоения материала студентами и совершенствовать методики работы в парах сменного состава, а не отказываться от перехода к новому, коллективному способу обучения.

Накал страстей достиг пика.

Некоторые громко роптали из-за дополнительной нештучной нагрузки, связанной с опытной работой. Некоторые сосредоточенно вникали в открывающиеся перспективы новой образовательной системы, точнее, нового способа обучения. Красноярский университет забурлил. Страсти кипели до 1987 года. К сожалению, возобладала точка зрения тех, кто считал опытную работу 1984–1987 годов в КГУ экспериментом по проверке истинности положений дидактической теории, экспериментом, «наглядно доказавшим», что теория Дьяченко ошибочна.

Но идеи Дьяченко выдержали проверку. За тридцать лет сорнякам не удалось задушить робкие и радостные ростки нового коллективного способа обучения. Ростки выжили в сельских и городских школах, в системе дополнительного образования. Ростки окрепли и расширились, как проспект Свободный за 30 лет из узкой улицы превратился в широкую магистраль.

Красноярск, октябрь 2018.